

развития православия они не признавали. Итак, построение теократии в России они связывали с новозаветным представлением о Царстве Божьем как горчичном семени. Едва заметный начаток веры развивается в огромное и всеобъемлющее образование новой жизни. Оно не явится в законченном и совершенном виде, ему предстоит продолжительный процесс развития. Согласно этим представлениям, Царство, прежде чем осуществится в окружающей среде, производит в ней великое брожение, и в этом смысле сравнивается с закваской, проникающей всю массу теста. Новое начало проникает и уподобляет себе все элементы окружающей среды.

Главы XIX, XX Апокалипсиса, по мнению Булгакова, - сверхпророчество о тысячелетнем царстве праведников, которое является сердцевиной Библии. Мессианские идеи славянофилов были ему не чужды. За это его критиковал Е. Н. Трубецкой.

Интересно, что в работе «Смысл жизни» Трубецкой сблизился и с Самариным, Киреевским и Булгаковым. Он проанализировал различное понимание конца истории, фаталистическое и христианское, и пришёл к выводу, что цель истории — вовсе не конец жизни, а совершенная полнота. Человечество должно созреть, обнаружить высший подъём энергии для принятия Богочеловека, грядущего в мир.

Таким образом, Самарин, Булгаков, Трубецкой понимали конец мира динамическим, в котором творчество человека и народа очень значимо. Оно не есть «какой – либо внешний, посторонний миру акт божественной магии»¹. Мировой процесс во времени имеет свой смысл – в нём происходит откровение высшего, всеединого смысла, который «объемлет в себе и вечное, и временное, и безусловное, и относительное»². Именно в эсхатологическом контексте следует, на мой взгляд, понимать и учение Самарина и Булгакова о власти – преображённой власти в мире любви.

Костяев А.И.

СЕНСОРНЫЕ КОДЫ В ТЕКСТАХ С.Н. БУЛГАКОВА: ВКУС И ЗАПАХ

Сенсорика представляет собой тип невербальной коммуникации. Наряду с другими сторонами этой коммуникации отношение к миру, другому человеку формируется на основе ощущений, органов чувств. Особое значение в общении играет запах и вкус. Код - это способ обращения со значениями, необходимый для группировки множества объектов. Понятие «код» и связанные с ним характеристики являются универсальными для всей социокультурной системы, тем не менее, они

¹ Трубецкой Е. Н. Смысл жизни.// Трубецкой Е. Н. Избранное. М., 1996. С. 292.

² Там же. С. 296.

довольно абстрактны. Кодирование в самоорганизующейся системе организует ее взаимодействия и закрепляет «приспособительные» результаты. В реальных процессах коммуникации человек не сталкивается со знаком кода как таковым. Этот знак становится «заметным» в результате возросшего к нему внимания. Сенсорные коды С.Н. Булгакова - это важная, но еще малоизученная тема в философии культуры. Они глубоко метафоричны. Выполняют различные функции: сакральную, эстетическую, идентификационную, мнемоническую.

Восприятие вкуса возникло раньше, чем восприятие запаха. Наибольшее значение имеют соленое и кислое, так как связано с эволюцией биологических видов. Кислый вкус свидетельствовал о загрязнении воды, продуктов, коррозии металлов. По горькому вкусу различали вредные, ядовитые вещества. Вкусовые ощущения могут возникнуть при инъекции веществ непосредственно в кровь. К рецепторам вкуса относятся: полость рта, гортань, глотка, внутренняя поверхность щек, мягкое небо, язык. Возможны фантомные вкусовые ощущения. Полная потеря вкуса встречается редко. Новорожденный имеет врожденное отвращение к горькому и кислому. Младенец отдает предпочтение сладкому в возрасте 1-3 дней. Возможно, люди рождаются с врожденной системой восприятия сладкого. Библейское выражение «соль земли» имеет онтологическое основание в человеке. В организме человека находится от 150 до 300 граммов соли, придающей солоноватый вкус крови, участвующей в большинстве обменных процессов. Но всего 30 грамм соли, принятой одновременно, являются смертельной дозой. «Соленость» организма поддерживается на постоянном уровне.

Чтобы понять сущность сенсорных кодов Булгакова, необходимо установить связь ощущений и процессов. Вкусовая и обонятельная активность влияет на поддержание в бодрствующем состоянии нейронов головного мозга, что необходимо для механизма осмысления. После кратковременной вкусовой, обонятельной нагрузки улучшается память, мышление и это также положительно влияет на процессы смыслообразования. Рецепторы, отвечающие за вкусы – запахи, во многом похожи на рецепторы, расположенные на глазной сетчатке. По химическому составу это белки, встроенные в нервные клетки. Кортиковые центры соответствующих анализаторов находятся рядом с лимбической системой, управляющей эмоциями. В свою очередь, эмоции необходимы для «обнаружения» смыслов.

У Булгакова была развита вкусовая и запаховая память. Спустя годы он был способен указать запахи и вкусы, которые почувствовал однажды в жизни. Эта способность связана с внутренним состоянием организма. Булгаков знал, что при голодании резко повышается чувствительность к сладкому, в меньшей степени – к соленому. Худощавые, тонкокостные люди острее воспринимают горькое. С возрастом острота вкуса и обоняния

притупляются. При развитом обонятельном чувстве человек часто обладает тонким мышлением, интуицией. Человек с вкусовой одаренностью общителен, избегает мышления стандартными образами. Родина Булгакова, Ливны – место, где впервые ему удалось вкусить «сладость бытия». В доме была «сладкая и благородная музыка», проникающая вместе с колокольным звоном¹. Чтение духовной литературы в детстве Булгаков сравнивает со «сладким звуком»². Одним из первых в российской философии он обосновал «духовный вкус». Это понятие носит метафорический характер.

В духовном дневнике Булгаков молитвенно повторяет: «Сладчайший мой Иисусе». Милость Бога кажется ему «жуткой» и вместе с тем «сладкой»³. В текстах Булгакова много метафор, производных от ощущения вкуса. Он замечает «привкус социального барства» у Толстого. Другая яркая метафора – «капля вкуса в эстетическом развитии»⁴. В отсутствии веры Булгаков усматривает некую «антисептическую соль». Она разъедает человека изнутри. Как данность Булгаков воспринимает «вкус толпы»⁵. Вкусовые метафоры Булгакова сложнее, чем это принято считать. Для него это не просто стилистическое средство, либо художественный прием. Иначе: вкусовые метафоры Булгакова есть средство обозначения того, чему нет названия. Булгаков понимает: вкусовая метафора образуется из категориальной ошибки. Но в чем заключается тайна переносного смысла в метафоре? Ответ на этот вопрос волнует мыслителя, хотя и не получает развернутого обоснования.

Сенсорные коды Булгакова, имея сакральную направленность, восходит к библейским источникам. Ощущения онтологизируются в названиях библейских персонажей; Мерари (горечь, печаль) – имя последнего сына Левия. Моисей бросил в воду дерево, показанное ему Господом, и она стала сладкой. Иисус, предупреждая о соблазнах, считал, что «всякая жертва солью солится». Иов сомневается в способности своей гортани различать горечь. «Вкушать» может сердце. Количественное разнообразие вкусов достигается за счет ошибок и заблуждений. Пророк Исаяя взывает к тем, кто «горькое почитает сладким, и сладкое горьким». Вкус содомских яблок представляется сначала сладким, а затем горьким. В христианской культуре существует понятие «небесного вкуса». В Божественной Литургии происходит пресуществление хлеба и вина в Тело и Кровь Господа. В религиозное сознание закладывается мысль: все, вкусившие Св. Дары, становятся едины.

¹ Булгаков С.Н. Автобиографические заметки. – Paris: YMCA-PRESS, 1991. – С. 8, 10.

² Там же, С. 30.

³ Булгаков С.Н. Дела и дни: статьи 1903-1944; Мемуарная и дневниковая проза. – М.: Собрание, 2008. – С. 417, 506.

⁴ Булгаков С.Н. Избранное. – М.: РОССПЭН, 2010. – С. 233, 451.

⁵ Там же, С. 157, 161.

В Ветхом завете запахи и вкусы способствуют созданию интимной, чувственной атмосферы. Все, что связано с Богом, все, к чему прикоснулся Творец, несет в себе любовь, красоту, наслаждение. Сакральные, эстетические и гедонистические смыслы оказываются взаимосвязанными между собой. Их объединяет идея божественного творения. Фигура креста символически объединяет – разделяет земные запахи – вкусы и надличностное бытие. Под чувственным опытом Булгаков и его последователи понимали особую самостоятельную стихию жизни, отличную от духа. Однако такая стихия не может быть чуждой или противоположной духу. Красота как святая чувственность, по его мнению, не может ограничиваться каким-то одним чувством. Она предзадана в запахах и вкусах¹.

Язык вкусов Булгаков переводил в язык запахов. «Вкусовые» характеристики известных запахов: сладковатый (амбра, почки тополя), слегка сладкий (роза, чебрец), сладкий (анис, ваниль), сладкий с горчинкой (фенхель), приторно сладкий (липа, мимоза), горьковато-сладкий (корица), сладостный (сандал), горьковатый (бергамот, герань, грейпфрут, ель), пряный с горчинкой (имбирь), горьковато-дымный (кедр), горьковато-терпкий (ладан, ромашка), терпкий (рябина). Христианская культура, как это хорошо было известно Булгакову, ориентирована на визуальные коды. Как согласовать язык вкусов и этот код? Серый цвет устойчиво ассоциируется с безвкусным, желтый – со сладким, золотистый – с предельно сладким, синий – с горьким, зеленый – с кислым. Рыжий цвет обманчиво сладкий. По преданию, Иуда имел рыжие волосы. Белый цвет может быть сладким или соленым. Черный цвет ассоциируется с очень горьким, оранжевый цвет – с кисло-сладким. Цветовые характеристики в текстах Булгакова, следовательно, переводимы на язык вкусов. Существует механизм согласования этого языка с аудио - кодом христианской культуры. Нежный звук ассоциируется со сладостью, резкий звук – с горьким. Громкий звук соотносим с насыщенным вкусом.

Запаховые метафоры пересекаются с вкусовыми метафорами. Благоухание ассоциируется со сладостью. Смерд символизирует непереносимую горечь греха. Метафоры Булгакова интересны тем, что, создавая новые смыслы, они соизмеряют разные сущности. Мир, наполненный запахами и вкусами, соотносим с масштабом личности. Иначе: эти метафоры антропометричны. Сама способность мыслить метафорически, по мнению Булгакова, есть черта человека или божьего творения. Реальность как бы ускользает в метафоре. Так же можно «обмануться» в запахах и вкусах. Остальные знаковые формы «работают» на метафоры, развивая и дополняя найденные образы. Многие из метафор Булгакова не нуждаются в интерпретации. Объяснить их можно лишь

¹ Лосский Н.О. История русской философии. – М., 1991. – С. 242.

уничтожив поэтику текста. Механизмы метафор универсальны, а потому они понятны носителю определенной культуры. Каждая из вкусовых и запаховых метафор Булгакова – целое открытие, в котором мир предстает с неожиданной стороны.

Позиция Булгакова вполне определенная: когда вкус появляется, человек не может не понять его. Смысловая структура относится к вкусовому восприятию как условие, а не как причина. Предвкушение выступает в качестве осознаваемой очевидности ощущений. Феноменология вкуса служит основанием качественного изменения мира – за счет присутствия человека. Гераклитовское «все течет» ощутимо у Булгакова как дрящееся послевкусие. Такую преемственность ощущений может обеспечить культура. Булгаков ощущает вкус Палестины, а еще раньше – вкус Греции. Вкусовые ощущения как знаки мира, позволяют ему свободно чувствовать себя среди Платона, Спинозы, Беркли, Лейбница. Религиозную историю символизирует для Булгакова следующее: падение города (горькое), возвращение народа (сладкое), поиск Бога (сладко-горькое). Все, что повторяется, подтверждает подлинность вкуса. Метафора бедности у Булгакова такова – можно прожить часть жизни, не попробовав вкус свежего хлеба. Виселица есть «услада» для палача.

Вкус греха, по мнению Булгакова, обманчив. Он может быть изжит, обессилен и уничтожен. Такой вкус не таит жизненных сил, являясь заблуждением тварной свободы. Горечь страдания необходима, чтобы освободиться от греха. Материальный предмет, приобретая символическую форму, усиливает ощущения верующего. Так, например, просфора изготавливается из муки, заквашенной дрожжами. В ней должны отсутствовать «чужие вкусы» – масла, яйца. Просфора является символом создания божия – человека. Верхняя и нижняя части просфоры знаменуют духовное и телесное, они изготавливаются из теста отдельно, а потом склеиваются. Частицы Св. Даров не могут быть извергнуты кашлем, иным способом или оставлены во рту с неблагонамеренной целью.

Духовный вкус столь же значим для Булгакова, как счастье или надежда, поэтому он имеет отношение не просто к познанию, но к самому бытию. Но что такое духовный смысл? Не является ли этот вопрос лишь некой риторической фигурой, в которой выражена уверенность человека? Духовный вкус внутри человека, и не ощущать этого – значит, обрести себя на бессмысленное существование. Есть выражение «истинный вкус». Это означает настоящее, подлинное. Подмена вкуса, по мнению Булгакова, показывает в действительности не то, чем она кажется. Но ведь заменитель духовного вкуса – это тоже нечто действительное. Следовательно, духовный вкус не может быть оправдан одной действительностью. Вкус жизни у Булгакова выступает как синоним сознания. Ему противостоит метафора «жвачки – мысли», которая тянется без конца, оставляя

странный привкус. Двусмысленность бытия для Булгакова - это краски, вкусы, запахи. Они никогда не бывают собой и только собой. В воображаемых вкусах открывается сущностный акт сознания. Такие вкусы – это магический акт, заставляющий появляться предметы, которые желательны.

Современники Булгакова - поэты эпохи Модерна - пытались представить вкусы и запахи Галактики. Современные исследования Млечного пути позволили обнаружить в газовых облаках этил формиат. Сам по себе он не имеет запаха, но может формировать различные ароматы. Например, молекула этого химического соединения образует сладкий запах, напоминающий запах лесной малины. Что дает Булгакову развитие переносных смыслов вкуса и запаха? Возможность соизмерения действительности и смысла. Вкус образованной части российского общества, с точки зрения Булгакова, оторван от этой действительности. К проявлениям такого вкуса он относит героический максимализм, чувство исторической вины. Духовный вкус у российской интеллигенции был развит недостаточно, поколеблен революцией. «Высокий» вкус эпохи модерна Булгаков сводил к эстетическим оценкам, лишенным идейной одержимости. Жизнь «ради наслаждения», по его мнению, есть форма самообожествления. Развитие духовного вкуса невозможно без свободного и сознательного принятия христианской веры.

В рамках ярмарки non-fiction (2008) проходила выставка «Ароматы книжного переплета», где была выставлена «одежда» известных книг. Ароматы XIX века представляли прижизненные издания Пушкина, Тютчева, Толстого, Чехова. Запретный аромат XX века исходит от самиздата Цветаевой. В XIX веке многие читатели отдавали книги в переплетные мастерские. Там они получали индивидуальный переплет, неповторимый аромат. Самый дорогой аромат – от кожаных переплетов с золотым тиснением. Работ Булгакова на выставке не было. Говорят, что о вкусах не спорят. Но и о них надо спорить. Без сенсорных кодов Булгакова панорама первой половины XX века будет недостаточной. Эти коды выражали специфику национальной культуры и традиции мировой культуры. С помощью метафор передавались оттенки чувств и абстрактные понятия. Одиночество казалось горьким. Любовь чаще воспринималась сладкой. Равнодушие оценивалось как нечто безвкусное.

Взаимную связь и обусловленность философии своего времени Булгаков определял как выбор позиции по поводу определения «вкуса эпохи». Подлинная философия не «обходит» острых тем, она полифонична, непосредственна, свободна для выражения разных мнений. Философствование Булгакова на тему запахов – вкусов есть преимущественно открытая форма, в которой мыслимое и возможное, внешнее и внутреннее сходятся в одной точке. В акте индивидуального осмысления ощущения он не стремился к «доопределению» мира.

Ощущения запахов – вкусов он пропускал через историю философии. Стоики, например, считали, что ощущение есть непосредственное «принятие» предмета. Эпикурейцы называли ощущения фундаментальной способностью души. Интересно, что Булгаков избегает метафоры «вкус свободы». Однообразные вкусовые ощущения, по его мнению, приводят к раздражительности, быстрой утомляемости. Современная цивилизация основана на принципе «на любой вкус». На смену личному выбору вкуса приходит стереотипная реакция. Стандартные вкусовые образы становятся той агрессивной средой, в которую погружено сознание человека. Появляется множество «имитирующих» вкусов. Тогда индивид утрачивает защитную функцию – естественную реакцию на вкус. В моду входит вкусовой минимализм. Чтобы сохранить, а в ряде случаев восстановить естественную человеческую реакцию, необходимо проникнуть «внутри» мира вкусов. Все актуальнее становится задача воспитания в человеке духовного вкуса.

Бутина Е.А.

**«БЕССПОРНО КРУПНЕЙШИЙ ИЗ НЕМЕЦКИХ МЫСЛИТЕЛЕЙ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 19-ГО ВЕКА...»: ЗНАЧЕНИЕ ФИЛОСОФИИ
Э. ФОН ГАРТМАНА ДЛЯ С.Н. БУЛГАКОВА**

Имя Э. фон Гартмана для философски образованного человека последней трети XIX – начала XX века в России было значимым и напрямую связано с исканиями В.С. Соловьева и его положительной оценкой Ф. Шеллинга во время всеобщего увлечения позитивизмом, с распространением учения А. Шопенгауэра и пессимистических настроений. В увлечении в России метафизическими идеями Гартмана можно увидеть, во-первых, попытку отстранения от позитивизма, марксизма и неокантианства – от рационализма вообще; во-вторых, реакцию на процесс «обезбоживания»: в утверждении Бессознательного как Абсолюта особенно отчетливо проявились кризисные явления европейской и русской культуры. Эти явления сопровождались проверкой и пересмотром традиционных культурных ценностей и ориентиров, в результате чего в философии и искусстве появились идеи о богоискательстве и о новой религии, т.е. вопросы, противостоящие ортодоксальному православию и традиционной вере.

В отношении Э. Гартмана С.Н. Булгаков поступает как истинный историк философии, отмечая те явления, на которые повлиял немецкий философ. Конечно же, так как явления были общеевропейские (уход от рационализма и параллельно этому шедший процесс «обезбоживания»), то трудно определить конкретный вклад в их развитие одного определенного мыслителя, вследствие этого Булгаковым перечисляется целый ряд имен, в